

ПОСРЕДНИЧЕСТВО ВО ВЗЯТОЧНИЧЕСТВЕ КАК ВИД СОУЧАСТИЯ В КОРРУПЦИОННОМ ПРЕСТУПЛЕНИИ

В принятом в 1999 г. УК Республики Беларусь наряду с установлением ответственности за получение и дачу взятки впервые предусмотрена ответственность за посредничество во взяточничестве (ст. 432). Общественная опасность посредничества во взяточничестве обусловлена совершением организаторской и пособнической деятельности среди потенциальных взяткодателей и взяткополучателей, что способствует совершению коррупционных преступлений. Однако, предусматривая в Особой части УК Республики Беларусь новый вид соучастников преступления – посредников во взяточничестве, законодатель не включил их в ст. 16 Общей части УК Республики Беларусь, в которой содержится перечень соучастников преступления, вероятно исходя из того, что посредничество во взяточничестве является частным случаем, присущим именно коррупционным преступлениям.

В ст. 432 УК Республики Беларусь посредничество во взяточничестве определяется как непосредственная передача взятки по поручению взяткодателя или взяткополучателя. Из законодательного определения этого понятия следует, что при квалификации деяния – соучастия в передаче взятки взяткодателем либо соучастия в получении взятки взяткополучателем – следует применять не ч. 6 ст. 16 УК Республики Беларусь, в которой регулируется порядок ответственности за соучастие при совершении преступлений, предусмотренных ст. 430 и 431, а ст. 432 (посредничество во взяточничестве). В связи с этим возникает ситуация конкуренции при применении названных норм. Более того, закономерен вопрос о необходимости наличия ст. 432 в УК Республики Беларусь, создающей конкуренцию ст. 430 и 431, поскольку в ст. 62, устанавливающей общие начала назначения наказаний, обращается внимание, прежде всего, на учет положений Общей части УК Республики Беларусь, т. е. ст. 16.

Другое дело, если законодатель имел в виду так называемого «слугу двух господ» – взяткодателя и взяткополучателя, а посредник выступал в качестве связующего звена между ними, то такое деяние выходит за пределы помощи, оказанной исполнителем преступления (взяткодателю или взяткополучателю). Более того, если исходить из конструкции объективной стороны и дачи, и получения взятки (эти преступления считаются оконченными с момента вручения и принятия предмета взятки), то помощник, вручающий предмет взятки взяткополучателю, выполняет часть объективной стороны состава преступления – дачи взятки – и должен признаваться соисполнителем взяткодателя и пособником взяткополучателя. С объективной стороны можно было бы признавать соисполнителем лицо (посредника), которое по поручению взяткополучателя принимает предмет взятки, но поскольку получателем взятки может быть только специальный субъект – должностное лицо, то действия посредника могут квалифицироваться как пособничество взяткополучателю. Посредник также может совершать организаторские или подстрекательские действия.

В словаре русского языка С.И. Ожегова посредничество определяется как содействие соглашению, сделке между сторонами. Вероятно, подобный смысл понятию посредничества придавал и законодатель, внося ст. 432 в УК Республики Беларусь в качестве самостоятельного вида соучастия, т. е. содействия совершению двумя сторонами данного коррупционного преступления. В этом случае мера ответственности в УК Республики Беларусь дифференцируется в зависимости от содеянного: помощь в получении взятки – по ст. 430, где самые высокие санкции; помощь в даче взятки – по ст. 431, где более низкие санкции; посредничество в даче (получении) взятки – по ст. 432, где санкция усредненная. Следовательно, содержание диспозиции ч. 1 ст. 432 УК Республики Беларусь необходимо изменить, уточнив ее редакцию, т. е. указать «содействие взяткодателю или взяткополучателю либо им обоим», вместо «по поручению взяткодателя или взяткополучателя», так как существующая редакция диспозиции предусматривает ответственность за выполненное поручение отдельно взяткодателя или взяткополучателя.

Не вносят достаточной ясности в определение понятия посредничества во взяточничестве и толкования смысла содержания диспозиции ч. 1 ст. 432 УК Республики Беларусь и рекомендации постановления Пленума Верховного суда Республики Беларусь от 26 июня 2003 г. № 6 «О судебной практике по делам о взяточничестве». В данном постановлении приведено определение понятия посредника во взяточничестве, буквально совпадающее с определением, содержащимся в ч. 1 ст. 432 УК. Аналогичная ситуация наблюдается и при анализе рекомендаций этого же постановления по квалификации действий соучастников взяточничества. В нем рекомендуется: «Действия лица, организовавшего дачу или получение взятки, подстрекающего к этому либо оказавшего пособничество в даче и получении взятки и одновременно выполнявшего посреднические функции, следует квалифицировать как соучастие в даче и получении взятки. Вопрос о квалификации действий соучастника должен решаться с учетом направленности его умысла, исходя из того, в чьих интересах, на чьей стороне и по чьей инициативе – взяткодателя или взяткополучателя он действует. В таких случаях дополнительной квалификации действий по ст. 432 УК не требуется», т. е. указано, что посреднические функции, сопряженные с организаторскими, подстрекательскими, соисполнительскими или пособническими действиями, поглощаются (являются) соучастием (ст. 16 УК Республики Беларусь). При этом не указано, в каких случаях применима ст. 432 УК Республики Беларусь, что можно понимать как во всех остальных случаях. Практически рекомендации названного постановления применение ст. 432 УК Республики Беларусь существенно ограничили. Указав же, что ст. 432 УК Республики Беларусь не применяется при соучастии в даче и получении взятки, данное постановление фактически противоречит содержанию ч. 1 ст. 432, в которой записано, что непосредственная передача взятки по поручению взяткодателя или взяткополучателя является посредничеством во взяточничестве, фактически частично отменяя ее применение, т. е. выходит за пределы своей компетенции.

Принятие ст. 432 УК Республики Беларусь о посредничестве во взяточничестве и невнесение соответствующих изменений или дополнений в ст. 16 УК Республики Беларусь породило проблемы теоретического характера, в частности вопрос о правовой природе посредничества во взяточничестве и его месте в системе института соучастия. В соответствии с содержанием диспозиции ч. 1 ст. 432 УК Республики Беларусь посредник во взяточничестве совершает общественно опасное деяние по поручению субъектов преступлений, предусмотренных ст. 430 и 431 УК Республики Беларусь, т. е. выполняет одновременно функции пособника и соисполнителя.

Кроме того, в следственно-судебной практике не единичны случаи, когда должностные лица различных форм собственности принуждают подчиненных им по службе или работе лиц передать предмет взятки взяткополучателю (принуждение к посредничеству). В связи с этим целесообразно внести дополнение в примечание к ст. 432 УК Республики Беларусь, предусмотрев освобождение от ответственности посредника во взяточничестве, если в отношении его имело место принуждение (естественно, с учетом условий крайней необходимости).

Следовательно, поскольку действия посредника во взяточничестве по своей правовой природе носят многоуровневый характер, сочетая одновременно организаторские, подстрекательские, соисполнительские и пособнические функции, постольку это свидетельствует о самостоятельном виде соучастника, присущего коррупционным преступлениям. В связи с этим следует внести предложенные изменения и дополнения в ч. 1 ст. 432 УК Республики Беларусь, определяющие понятие посредничества во взяточничестве, в примечание к ней – указание о принуждении к совершению преступления, в ст. 16 УК расширить перечень соучастников, а также соответственно изменить редакцию постановления Пленума Верховного суда Республики Беларусь по рассматриваемой проблеме.

УДК 343.347.2

А.А. Лухов

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ОЦЕНКА НЕИСПОЛНЕНИЯ ЛИБО НЕНАДЛЕЖАЩЕГО ИСПОЛНЕНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ОБЯЗАННОСТЕЙ, ПОВЛЕКШИХ ПО НЕОСТОРОЖНОСТИ РАСПРОСТРАНЕНИЕ ЗАРАЗНЫХ БОЛЕЗНЕЙ ЖИВОТНЫХ ИЛИ ПРИЧИНЕНИЕ УЩЕРБА В КРУПНОМ РАЗМЕРЕ

С.Я. Булатов, Э.Н. Жевлаков, П.П. Михайленко, И.А. Гельфанд, В.В. Сташис полагали, что должностные лица, допустившие нарушение ветеринарных правил, при наличии в их действиях признаков должностного преступления, несут ответственность по совокупности преступлений, и утверждали, что при таких обстоятельствах присутствует идеальная совокупность преступлений. П.Т. Некипелов считал, что в данном случае имеет место конкуренция общей и специальной уголовно-правовых норм, следовательно применению подлежит специальная норма, предусматривающая ответственность за нарушение ветеринарных правил. Е.А. Фролов прямо указывал, что в данном случае совокупность преступлений отсутствует.

М.И. Блум доказывал, что если нарушение ветеринарных правил явилось результатом злоупотребления служебным положением, то должностное лицо при наличии признаков должностного преступления подлежит ответственности только за соответствующее преступление из гл. 35 УК Республики Беларусь о должностных преступлениях. В.В. Сверчков утверждал, что если должностное лицо вопреки возложенным на него обязанностям не осуществляло контроль за соблюдением ветеринарных правил, в результате чего наступили указанные в законе последствия, то оно может быть привлечено к ответственности за служебную халатность (по ст. 428 УК Республики Беларусь).

По мнению В.А. Куличенко, руководитель сельскохозяйственного предприятия, т. е. должностное лицо, может рассматриваться субъектом нарушения ветеринарных правил лишь в случае, если он является непосредственным руководителем работ.

В литературе отграничение нарушения ветеринарных правил от служебной халатности проводят по объекту и субъекту посягательства. Если объектом состава нарушения ветеринарных правил являются общественные отношения, обеспечивающие минимальный уровень защищенности государства, общества, человека от угроз, связанных с возникновением и (или) распространением заразных болезней среди домашних животных, то непосредственным объектом служебной халатности выступают общественные отношения, обеспечивающие соответствующее интересам службы содержание деятельности государственного, общественного и хозяйственного аппарата управления. Если действия, предусмотренные ст. 428 УК Республики Беларусь, направлены на причинение вреда нормальной деятельности аппарата управления, то нарушения ветеринарных правил (ст. 284 УК Республики Беларусь) не затрагивают и соответственно не причиняют вреда функционированию органов управления организаций публичного или частного сектора.

Субъектом нарушения ветеринарных правил могут являться как частные, так и должностные лица, в то время как субъектом служебной халатности могут быть только должностные лица. Несмотря на существующие различия в субъектном составе, наибольшие трудности в судебно-следственной практике возникают при оценке деяний должностных лиц, выразившихся в нарушении ветеринарных правил.

Большинство исследователей (А.В. Барков, Б.В. Здравомыслов, А.Я. Светлов и др.) соглашались, что в каждом конкретном случае необходимо устанавливать, что выполняло лицо – должностные или производственно-профессиональные функции. Оказание непосредственной ветеринарной помощи соответствующими специалистами входит в выполнение их профессиональных обязанностей. Соответственно, независимо от занимаемой должности ветеринарный врач, который осуществляет профессиональную деятельность – лечение больных животных, проводит операции и т. п., – не может быть признан должностным лицом и не может отвечать за совершение преступления против интересов службы.

Специалист ветеринарной службы приобретает статус должностного лица, будучи назначенным на должность, связанную с выполнением организационно-распорядительных или административно-хозяйственных обязанностей (начальники управлений (отделов) ветеринарии комитетов по сельскому хозяйству и продовольствию областных исполнительных комитетов, главный ветеринарный врач хозяйства и др.), либо при совершении юридически значимых действий (выписка рецепта).

Однако субъекты правоприменения по-разному квалифицируют деяния ветеринарного врача как должностного лица, выразившиеся в неисполнении профессиональных обязанностей, повлекших по неосторожности распространение заразных болезней животных или причинение ущерба в крупном размере. Сложившуюся проблему можно проиллюстрировать на конкретных примерах из судебной практики.

Так, в одном из сельскохозяйственных предприятий было выявлено около 500 голов крупного рогатого скота, зараженного туберкулезом. При расследовании уголовного дела было установлено, что ветеринарный врач К., обслуживающий данный субъект хозяйствования, не контролировал размещение закупленного скота у населения, не проводил туберкулинизацию и санитарную обработку животных после закупки, составлял фиктивные акты о туберкулинизации животных. Эти нарушения стали причиной распространения болезни среди животных. Суд квалифицировал деяния К. как нарушение ветеринарных правил, халатность и служебный подлог.

Следуя логике ряда ученых (П.Т. Некипелов, Е.А. Фролов), речь в данном случае следует вести о конкуренции двух уголовно-правовых норм. При указанных обстоятельствах имеет место нарушение принципа справедливости уголовного закона: одни и те